

Алексей ТОЛСТОЙ

За Советскую Родину!

В XXIV годовщину Красной Армии исполняется восемь месяцев битвы на главном и решающем участке фронта мировой войны, где вооруженные народы Советского Союза, во главе с народом русским, после беспримерного по выдержке отступления перешли в беспримерное по ярости наступление на мощные и свирепые силы германского империализма, выдумавшего фашизм и Гитлера для своих обширных целей.

Военный план порабощения мира затуманен был широко и глубоко. В Эссене, на сверхсекретных заседаниях, люди с «профилями римских императоров», пытаясь сигарами, упростили живые страсти человечества, свели их к трем функциям: мучениям голода, страху смерти и потребности совокупления; до мелочей обсудили подробности гигантского предприятия; предусмотрели все случайности, неизбежные в ходе влечения такой большой войны, и, встав с глубоких кресел, роняя пепел сигар на черные жилеты, сказали своему генеральному производителю работ — Гитлеру: переводите на полную мощность всю систему принуждения, давайте полный газ во все моторы военной машины. — вперед! Земной шар должен быть завоеван в кратчайший срок.

Все было рассчитано и предугадано в этом арифметическом расчете, все, кроме небольшой, казалось бы, Незвестной Величины, путавшейся между цифрами. Ее вычеркивали, шпигали щелчком, — она снова появлялась то как множитель, то как делитель в грандиозных формулах империализма.

Люди с «профилями римских императоров» верили только в цифры, в количество. Они пришли к заключению, что упрямая Незвестная Величина попала в их счетные книги из давно отжитого мира романтических иллюзий, и они для простоты согласились считать ее равной нулю.

Увы! Кто из этих королей стали, угля, тяжелого машиностроения, этих директоров трестов и обелиженных банков мог бы тогда предположить, что Незвестная Величина спутает и перевернет их широко задуманные грандиозные планы, опрокинет их арифметику бездушных цифр!

Повторяю. — Незвестную Величину они сочли равной нулю и уверенно двинули фашистскую военную машину на завоевание Европы, затем — в Советскую Россию и тут же сразу и наскочили на Незвестную Величину.

До трехсот моторизованных немецких дивизий бросились на наши пограничные войска, грома советские аэродромы и тысячи танков врезались съезды ряды Красной Армии. Стреляя по немцам до красного накала стволов, красноармейские части бросались в контратаки — один на десятерых... И отступали, — вернее, пятились, как львы, грызя и ломая уставленные ротативы.

Гитлер и с ним все немецкое дуряче уже торжествовал скорую победу, — еще бы! — какие цифры своего актива он мог обнародовать перед потрясенным миром: — Красная Армия смята, каждый день к его ногам падают белорусские, украинские и русские города, и многонациональный Советский Союз, кажется, только и ждет завоевателей-немцев, чтобы развалиться, как глиняный горшок...

Но люди с «профилями римских императоров», будучи умнее и опычнее истерического дуболома Гитлера, уже видели, что наступление-то наступлением, города-то городами, а всему делу мешает эта Незвестная Величина, присутствующая которой лишь в слабой степени было обнаружено в Европе, — зато в Советской России она, обливаясь кровью, растет и ширится, и крепнет, и цементирует фронт и тыл Советского Союза.

Незвестная Величина расшифровалась, раскрыла свое таинственное имя. Она оба-

залась психологией советского и, в первую голову, русского человека, который, крепко хлебнув от наплетка Свободы, познал, что, помимо человекоубийственных цифр германского империализма, под живосолнцем существует высшая справедливость, начертанная золотыми буквами в Сталинской Конституции, и существует Советская Родина — страна отцов и дедов, уготованная для счастья сыновьям нашим и внукам.

Психология советского человека изменила весь ход мировой войны, и она и есть то чудо под Москвой, на которое была способна только наша страна, наш народ и Красная Армия. Отступавшие красные армии остановились, колеса десятков тысяч вагонов, с которых было выгружено оборудование военных заводов... Старички-рабочие, девушки, подростки, даже дети — на мерзлой земле под летящим снегом — установили станки и, не дожидаясь, когда площадки цехов будут открыты крышами, уже точили снаряды и ковали броню...

И вот, настали те исторические минуты, которые решали судьбу нашей родины и вместе с ней судьбу всего свободного человечества: товарищ Сталин под жерлами дальнобойных фашистских орудий взошел на мавзолей Ленина и обратился к сердцу народа русского, народа советского: — победа, — он сказал, — теперь победа за нами.

И тогда двенадцать восемь гвардейцев умерли под Москвой, перекинув своими телами мост красным армиям к победе и славе. Тогда комсомольцы, израсходовав ручные гранаты, кидались на пулеметы врага и своими разорванными сердцами гасили огонь фашистов... Тогда красавица Зоя, записавшая в своем дневнике: Лучшее смерть, чем поцелуй без любви, зала последний поцелуй Родине, когда истерзанная пытками, — не сказав палачам ни слова, — повисла на виселице, и лицо у нее, мертвой, — оставалось прекрасным.

Передо мной лежит документ, относящийся еще к концу августа, к разгару немецкого наступления, документ подпольный, написанный группой крупных германских промышленников масштаба Тиссена и Круппа. Эти господа бьют тревогу: Гитлер, — пишут они, — оказался не реальным политиком, знающим чувство меры, но фантастом, не желающим прислушаться к голосам здравого рассудка... Своей дилетантской внешней политикой он объединил против Германии три самых могущественных державы мира, русскую армию, английский флот и американскую промышленность; навязывая расовую теорию, «пригодную лишь для внутреннего употребления в Германии», он восстановил против Третьей империи народы всего земного шара; бросившись на Россию, он сделал войну бесперспективной... Мы предвидели, что германская армия достигнет еще некоторых успехов, но в конечном счете считаем войну безусловно проигранной и Германию поставленной на край страшной гибели...

Вот к каким грустным выводам привело пренебрежение этих господ Незвестной Величиной.

Прошло восемь месяцев войны, — срок, в который созревает человек в борьбе матери. За восемь месяцев в тяжелых испытаниях и муках в Советской России созрел, закалился человек борьбы, — смелый, выносливый, переимчивый, бесстрашный в ярости — русский воин, гордый сын народа, уверенный, что — какие бы ни поставлены были перед ним трудности, — придется их преодолеть и он преодолет...

Славную армию, суровую в своей нравственной вышоте, создал и воспитал товарищ Сталин и орлята его высококоленоского гнезда... Трудна и тяжела ее задача — выбивать немцев из укрепленных и минированных узлов, из блиндажей

семиเมตรной глубины, окружать фашистские дивизии, которые хорошо обучены трудному искусству отступления, разгадывать все немецкие хитрости, все львовское коварство врага...

Но русский человек таков, что, если поставлена перед ним нравственно-высокая задача, — именно высоконравственная, — то уж пачаться он и не может, — стыд для него страшнее смерти. Со стыдом жить нельзя, а кто бы в наше грозное время и захотел жить со стыдом, — все равно жить не будет, как тот двадцать левый пол Москвой, казненный своими же товарищами-гвардейцами.

Красная Армия — гордая армия. Гордость русского человека — без шума и лишнего слов. Донские казаки, те, что по возрасту еще не были мобилизованы, — ухледев, что немцы творят на Дону, — наточили клинки, выпустили чубики изпод смушковых шапок и сели на коней...

Гордость русского человека — скромная. Он без толку вперед не полезет; он знает, что черед все равно до него дойдет, — и тогда, засучив рукава, гвоздь вобьет крепко.

Надо было подсобить Владимиру Ильичу Ленину — установить власть Советов наперекор всем чертям, — установили. Надо было выгнать из Украины и Донбасса полумиллионную оккупационную армию немцев, — выгнали. Надо было в пятнадцать лет, понастроив заводов, перегнуть Европу, — перегнули... Надо лететь через полюс, — полетели. Надо умыться в кровях, шпигнуться и опрокинуть величайшую в мире немецкую армию, — опрокинули; надо удвоить производство оружия, — утроили. Надо спасти человечество от фашистской заразы, — спасаем... Хоть иной раз и чешет нас, русских, советских, что мы смокинга не надеваем, садясь в избе ужинать, и зрыши все еще соломой кроем, — ничего, это все придет. Мы — народ гордый, рабочий, выносливый и, раз взявшись за дело и рассердясь, доведем его до конца.

Зимнее наступление Красной Армии происходит в невыразимо тяжелых условиях. Сорос градусов мороза есть срок градусов для немца и для русского, и идет вперед на ураганный огонь врага, волоча — по грудь в снегу — пулеметы и пушки — трудно, подвозить снабжение трудно. Немцы сидят в тепле — по городам и по селам, в блиндажах с печурками, а если у них раздражена нервная система от поражений, от завывленности и расстроены желудки от злоупотребления курами, — то зима тут не при чем, и, если их выгоняют из теплых помещений на мороз в одних подштанниках, опять-таки тут не при чем русская зима, которой оправдывается Гитлер.

Немцы бросают сейчас на пополнение свои весенние резервы, среди которых семнадцатилетние мальчишки. Наши резервы почти не тронуты. Немцы сильные, очень сильные. Но мы — могучи. Это нужно твердо запомнить, — особенно тем домороженным стратедам, кто, прочтя утром сводку, ползает пальцем по карте, расстраивался, что сегодня-де нами как-то мало взято населенных пунктов...

Красная Армия могуча, и могуч дух и силы рабочих и рабочих наших оборонных заводов. Могуча сила народов советских республик и областей... Могуча сила колхозная. Для своей Красной Армии советский народ ничего не посылает. Одним болеют все, — торопят победу; одним болеют — сломать фашистский фронт, полностью разгромить врага. Одно в умах народа: да живет Красная Армия и несет славу отечества нашего на победных своих знаменах.